

УДК 321

DOI: 10.34670/AR.2022.68.56.004

Критики афинской демократии и проблема объективности

Тер-Варданян Арам Ашотович

Соискатель кафедры политологии,
Российско-Армянский университет,
0051, Республика Армения, Ереван, ул. Овсепя Эмина, 123;
e-mail: aram.ter.vardanyan@gmail.com

Аннотация

Статья посвящена теоретическому анализу некоторых критических суждений в отношении афинской демократии. В работе рассматриваются позиции различных западных исследователей, которые, вопреки существующей парадигме, утверждают, что афинская и иные ранее существовавшие демократии доиндустриальной эпохи не могут быть отнесены к демократиям согласно современным критериям, т. е. они, по сути, не являются демократиями. Наряду с этим анализируется точка зрения, согласно которой в древности, а также в период демократического устройства Афин не существовало гражданских прав и свобод. Обращаясь к критикам античной демократии Афин, автор выделяет последователей либеральной традиции и демократов, т. е. тех, кто отдает первостепенное значение реализации демократических принципов. Посредством такой классификации указывается на то, что афинская демократия подвергается критике не только либеральными авторами, но и сторонниками демократической доктрины. В статье применяется сравнительный метод. Автором предпринимается попытка аргументированно показать не только сомнительность и необоснованность указанных критических суждений в адрес афинской демократии, но и привлечь внимание к предвзятому отношению к ней.

Для цитирования в научных исследованиях

Тер-Варданян А.А. Критики афинской демократии и проблема объективности // Теории и проблемы политических исследований. 2022. Том 11. № 3А. С. 36-51. DOI: 10.34670/AR.2022.68.56.004

Ключевые слова

Афинская демократия, либеральная традиция, демократическая доктрина, критические суждения, критики афинской демократии.

Введение

Несмотря на то, что афинская демократия имеет важное историко-теоретическое и практическое значение для политической науки, ей все же не удастся избежать критики. Научная критика должна не только быть лишена субъективности, но и способствовать получению достоверного знания, но так бывает не всегда. Иногда к критике прибегают не ради познания истины, а для обоснования верности собственных представлений и позиций, которые не отличаются объективностью. Данная работа посвящена анализу именно такой критике.

Обращаясь к критикам античной демократии Афин, автор делит их на либералов, т. е. последователей либеральной традиции, и демократов, которые первостепенное значение отдают реализации демократических принципов. При помощи такой типологизации автор стремится подчеркнуть, что критика полисной демократии звучит из уст не только либералов, но и сторонников демократического лагеря.

Возможно, сегодня такая классификация может показаться нерелевантной, поскольку с утверждением доминирующего положения «либеральной демократии» произошло как бы сращивание либерализма и демократии в некое единое целое. Благодаря этому, сегодня очень часто либерализм ассоциируют с демократией и наоборот, при этом забывая, что различия между ними никуда не делись.

По сути, их принципиальные различия были обозначены как в рамках новоевропейской политико-философской мысли, так и в ходе политического противостояния сторонников либерализма и демократии того времени. Как верно подмечено, «либерализм и демократия не всегда шли рука об руку даже на Западе» [Закария, 2004, 6].

Прежде всего демократия – это политическая система или режим, а либерализм – идеология. Однако, если даже рассматривать их на уровне двух идеологических доктрин, различий между ними предостаточно. Демократия стремится реализовать суверенитет народа, а либерализм отстаивает суверенные права личности. Соответственно, для первой принципиальна воля большинства, а для второго – учет прав меньшинства. В этом отношении демократия призвана легитимировать власть большинства в пределах и посредством государства, тогда как либералы выступают за установление границ и ограничение государственной власти.

Не менее важное различие между двумя понятиями существует и с точки зрения их правовых предпочтений. В русле классической теории демократии первостепенное значение отдается политическим правам, а для либералов, напротив, важнее гражданские права и свободы (право на жизнь, личную неприкосновенность, свободу мысли, совести, религии и т. д.). К политическим правам последние относят свободу слова, информации, собраний, создания ассоциаций и партий и т. д. Все это непосредственно укладывается в логику либеральной доктрины, которая не только предпочитает республиканскую форму представительного правления прямой демократии, но и видит необходимость ограничения государственной власти путем ее разделения (принцип разделения властей).

В то время, когда сторонники демократии добивались политического равноправия и установления всеобщего избирательного права, либеральная идеология, по сути, относилась к политическому равенству всех граждан как к простой формальности. Об этом свидетельствует западноевропейская и североамериканская либеральная политическая традиция XIX и первой четверти XX в., когда значительная часть совершеннолетних граждан была политически бесправна по причине тех или иных цензовых ограничений.

Очевидно, что демократия тяготеет к равенству и эгалитаризму, а либерализм – к свободе и

элитаризму, хотя и не отрицает равенства (например, равенства перед законом, равенства возможностей и т. д.). В связи с этим совершенно особое место в либеральной теории отводится правовому положению и неприкосновенности частной собственности, что является необходимым условием реализации индивидуальных прав. Но если либерализм немислим без частной собственности, то демократическая доктрина безразлична к ней в том смысле, что не отрицает народовластия при социализме.

Ушло то время, когда с легкостью можно было определить приверженцев той или иной теории, как, например, Ж.-Ж. Руссо или Монтескье и Константа. Установление режима либеральной демократии привело к размыванию границ между ее основными компонентами. В результате в западной политической мысли противопоставление либерализма и демократии было преодолено, что несколько усложнило четкое определение сторонников той или иной доктрины.

Сегодня многие отошли от поляризации этих понятий, и старое мышление уступило место новому. Если раньше специалисты предпочитали одно другому, то ныне они отдают предпочтение одного над другим, т. е. для одних первостепенна реализация либеральных ценностей, а для других – демократических, но при этом никто не стремится противопоставить их. Именно исходя из указанной логики и основываясь на изучении научных трудов тех современных исследователей, мнение которых анализируется в работе, автор относит Ф. Закарию к либералам, а Ч. Тилли, К. Вельцеля и Р. Даля – к демократам.

Как отмечалось в начале, работа посвящена анализу объективности критических выводов в отношении афинской демократии. В исследовании использован сравнительный метод анализа, но не предметного сравнения отдельных элементов, свойств и качеств, а общетеоретического.

Общая характеристика афинской демократии

Общеизвестно, что история является свидетелем существования множества демократических прецедентов. Их сравнительный анализ убедительно доказывает, что все когда-либо существовавшие демократии имели как различия, так и сходства и можно с определенной долей уверенности утверждать, что двух полностью одинаковых демократий никогда не существовало и вряд ли будет.

В политической истории демократии можно выделить следующие ее виды: первобытную демократию, античную демократию древнегреческих полисов, античную демократию древнеримской республики, средневековую европейскую демократию, демократию Нового времени, демократию эпохи индустриализма, демократию эпохи постиндустриализма [Исаев, 2012, 273]. Каждый вид, возможно, лишь за исключением древнеримской республики, представляет собой как бы родственную группу, состоящую из нескольких отдельных демократических практик. При этом принадлежность последних к одному и тому же виду не подразумевает их полной идентичности: все они имели свои особенности и специфику. Таким образом, схожесть определенного набора принципов и положений даже тех демократий, которые относятся к одному виду, не подразумевает единого или универсального законодательства, способа их реализации и функционирования. Данное утверждение можно отнести и к современным демократиям. Их видимая схожесть также не дает нам права говорить об одной и той же демократии – они не тождественны. Разумеется, все они носят отпечаток определенного исторического прошлого, национальных особенностей и культуры, что делает каждую из них по-своему уникальной.

Тут можно пойти дальше и утверждать, что имеющийся дуализм сходств и различий свойственен не только демократическим системам различных государств, но даже отдельно взятой демократии, показательным примером которой является афинская демократия. Сравнивая имеющийся исторический материал, вполне отчетливо можно увидеть, что демократия, установленная Солоном, по каким-то признакам соответствовала, а по каким-то отличалась от клисфеновской, а они, в свою очередь, от демократии времен Перикла. Подтверждение наших слов можно найти в «Афинской политике» Аристотеля, обобщающие выводы из которой представлены ниже¹.

Сперва рассмотрим некоторые из тех характеристик афинской демократии, которые ей были наиболее свойственны. Прежде всего это главенствующая роль Народного собрания в деле управления полисным государством. Собрание выполняло не только законодательную, но также судебную и отчасти административную функции. Участвовать в собрании имели право только граждане Афин, а именно свободные мужчины, достигшие двадцатилетнего возраста; женщины и дети граждан, а тем более метеки и рабы в этот «список» не входили и политическими правами не обладали. Еще одной чертой демократии в Афинах являлась практика коллективного принятия решений в Народном собрании, которые утверждались простым большинством голосов. При этом каждый участник имел один голос и мог, в порядке очереди, высказаться по поводу обсуждаемого вопроса вне зависимости от своего имущественного положения. В дополнение отметим, что демократический процесс подразумевал два основных способа назначения должностных лиц – путем прямого голосования (например, так избирали стратегов) и по жребию (из числа предварительно выбранных, например, архонтов, судей и т. д.), причем срок исполнения должностных обязанностей был ограничен.

При всем единстве определенных политико-правовых норм, принципов и традиций, которые были присущи афинской демократии, на различных исторических этапах она имела отличительные особенности, что не позволяет говорить о ее цельности. Например, если при Солоне существовало классовое деление в соответствии с имуществом на пентакосиомедимнов, всадников, зевгитов и фетов, что соответствовало четырем родовым филам, то в результате реформ Клисфена Афины были разделены на десять территориальных фил, что преследовало такие цели, как ослабление политического влияния родовой знати и введение полного политического равенства. Хотя желаемый результат на практике не был достигнут, само по себе это было важным качественным законодательным достижением, отличным от традиций прежней демократии. Еще одним различием в демократических устройствах Афинского полиса являлся Совет четырехсот, учрежденный Солоном и реформированный в Совет пятисот Клисфеном. Несмотря на то, что значимых функциональных различий между ними не было, все же способ их образования существенно отличался. Первый совет состоял из четырехсот человек, избранных по сотне из каждой родовой, а второй – по пятьдесят из каждой территориальной филы. Кстати, различия существовали и в выборе стратега. Демократии, установленные Солоном и Клисфеном, не были тождественными, так как последний учредил остракизм (изгнание за пределы полиса), чего не было ранее. Остракизм применялся в отношении тех, кого Народное собрание, по итогам голосования не менее 6000 человек, считало

¹ Поскольку сходства и различия, существовавшие в различные периоды афинской демократии, не является предметом данного исследования, мы решили в конце представленного далее текста дать одну общую ссылку.

опасным и подрывающим демократию.

В рамках проводимого сравнительного анализа отметим, что демократия, установившаяся во времена Перикла, имела, ко всему прочему, два очень заметных отличия от солоновской, да и от клисфеновской. Первое заключалось в том, что при Перикле каждый гражданин Афин вне зависимости от своего имущества мог быть избран на любые государственные должности, чего по законодательству Солона не предусматривалось. Малоимущий класс фетов не имел права занимать государственные должности, но они свободно пользовались правом голосовать в Народном собрании и участвовать в народном суде Гелиэи. Хотя Клисфен в результате реформ изменил законы, стараясь преодолеть имущественный ценз, однако это ему не удалось. Второе отличие касалось полномочий Ареопага. Если после преобразований Солона Ареопаг, являясь оплотом родовой аристократии, имел значительное влияние на государственные дела, осуществляя судебные и контролирующие функции, среди которых охрана закона, надзор за порядком, наложение штрафов и многое другое, то уже при Перикле его полномочия стали гораздо скромнее, а их часть была передана Народному собранию. Согласно законодательной реформе Перикла, гражданскими правами обладали лишь те, у кого оба родителя являлись гражданами Афин, что отличало демократию второй половины V в. до н. э. от более ранних [Аристотель, 1937, 13-57].

Как видно из предыдущего изложения, афинская демократия не являлась чем-то единым и завершенным. Поэтому неудивительно, что Сократ, размышляя об афинской демократии, трактует ее слишком широко. Философ отмечал: «Что касается демократии, то правит ли большинство насильственно или согласно с доброй волей теми, кто обладает имуществом, точно ли оно соблюдает законы или же нет, никто ей, как правило, не даст иного имени» [Платон, 1972, т. 3, ч. 2, 56].

Не раз к различным видам демократии обращается в своей «Политике» Аристотель, отмечая их принципиальные отличия [Аристотель, 1983, т. 4, 496, 498-499, 574-577]. По всей вероятности, указанные Стагиритом виды не являются результатом его философской мысли и основаны на существовавшей в Афинах демократической практике различных периодов.

Вместе с тем, как мы знаем, многие великие мыслители древности не симпатизировали демократии. Ксенофонт, Сократ, Платон, Аристотель и другие ее современники явно не были предрасположены к ней; исключением был Демосфен. При этом относительно лояльная позиция Демокрита, Фукидида или Исократы по отношению к демократии проявлялась в их резко отрицательной оценке ее радикальных форм.

Критика афинской демократии в период Нового времени

Казалось, что критика афинской демократии, звучавшая в Античности, осталась где-то на рубежах дохристианской эпохи. К сожалению, Новое время, которое вступило в свои исторические права на волне борьбы с абсолютизмом и родовыми привилегиями за демократические права и свободы народных масс, показало обратное. Даже в эту эпоху великих преобразований и перемен античная демократия подвергается критике; не пришла она ко двору и у многих мыслителей просвещенного XVIII в.

В своем известном труде «О духе закона» Монтескье настаивал на том, что «большинство древних республик имело один крупный недостаток: народ имел здесь право принимать активные решения, связанные с исполнительной деятельностью, к чему он совсем неспособен» [Монтескье, 1955, 293]. Джеймс Мэдисон отмечал, что «при республиканских порядках

общественное мнение, выражаемое представителями народа, скорее окажется сообразным общественному благу, чем при демократических, где оно выражается самим народом, собираемым для этой цели» [Федералист..., 1993, 84].

Примечательно, что критиковали афинскую демократию не только либералы. Не был снисходителен к ней и такой яркий представитель демократического лагеря, как Жан-Жак Руссо. Возможно, французский просветитель был более категоричен по отношению к ней, чем многие либералы. В «Политической экономии» он писал: «Пусть же мне не возражают, ссылаясь на демократию Афин, потому что Афины не были в действительности демократией, но весьма тиранической аристократией, управляемой учеными и ораторами» [Руссо, 1969, 114-115].

На наш взгляд, объективность критики Руссо более справедливо рассматривать не с позиции общепринятых принципов демократии, а с точки зрения его же концепции народного суверенитета, где лишь посредством общей воли может управляться государство и достигаться общее благо. В этом отношении он очень последователен, что и объясняет его скептицизм относительно демократического устройства Афин. Он обращает внимание на то обстоятельство, что каждое политическое общество состоит из меньших сообществ, объединенных общим интересом, которые нередко воздействовали на общую волю, видоизменяя ее [Там же, 114]. Здесь, несомненно, речь идет о кликах, слабо организованных политических партиях или группировках, игравших значительную роль в политической жизни полиса. Философ настаивал на следующем: «Рассмотрите тщательно, что происходит при вынесении какого-нибудь решения, и вы увидите, что общая воля всегда защищает общее благо; но весьма часто возникает тайный раскол, молчаливый сговор тех, кто умеет, в своих частных интересах, отклонить собрание от решений, к коим оно склонно по природе своей» [Там же, 115]. Следовательно, он считал, что в результате принимаемых подобным образом решений выражалась уже не общая воля, а частная по отношению к целому, которая не являлась суверенной волей народа, а значит, и демократией.

В рамках нашего теоретического исследования нельзя не обратить внимание на известную лекцию одного из апостолов либерализма первой половины XIX в., писателя и политического деятеля Бенжамена Констан «О свободе у древних в ее сравнении со свободой у современных людей», произнесенной в Королевском атенеуме в Париже в 1819 г. Сравнивая либеральные свободы со свободой у древних, он писал: «Последняя состояла в коллективном, но прямом осуществлении нескольких функций верховной власти, взятой в целом, – обсуждении в общественном месте вопросов войны и мира, заключении союзов с чужеземцами, голосовании законов, вынесении приговоров, проверки расходов и актов магистратов, их обнародовании, а также осуждении или оправдании их действий. Но одновременно со всем этим, что древние называли свободой, они допускали полное подчинение индивида авторитету сообщества, как совместимое с коллективной формой свободы. Вы не найдете у них практически ни одного из тех прав, которые составляют содержание свободы наших современников. Все частные действия находятся под суровым надзором. Личная независимость не простирается ни на мнения, ни на занятия, ни тем более на религию» [Констан, 1993, 98].

На наш взгляд, из результатов сравнительного анализа становится очевидным, что Б. Констан впадает в некую крайность. Будучи ярким сторонником индивидуальных (гражданских) свобод, он констатирует, что в древности такой практики попросту не существовало, а если она и была, то являлась некой коллективной формой свободы, которая выражалась в совместном пользовании и реализации политической или общественной власти.

«Целью древних, – уверяет он, – было разделение общественной власти между всеми гражданами страны. Это-то они и называли свободой» [Там же, 101]. Таким образом, по мнению французско-швейцарского писателя, в древности существовала только политическая, но не индивидуальная свобода. Хотя это не столь принципиально, но даже Ч. Тилли, который слишком категоричен в отношении доиндустриальных демократий, все же признает, что свободные совершеннолетние мужчины в Афинах обладали гражданскими правами [Тилли, 2007, 43].

Вполне естественно, что в таких полисных государствах, как, например, Афины, где численность населения была несоразмерно меньше, чем в современных, и где в результате соответствующих процедур общественное мнение приобретало силу закона, индивид не мог быть полностью своеволен. Но при этом утверждать, что он во всем был подчинен воздействию того же общества или не имел никаких гражданских прав (имеется в виду содержание понятия, а не само понятие), даже если не идентичных, то хотя бы близких по духу современным, мы считаем безосновательным. Наглядным примером тому являлось существовавшее в Афинском полисе право частной собственности, охраняемое законом.

Обращает на себя внимание не только излишний эмоциональный окрас, который придает Констан лекции, но и, как нам кажется, некая недосказанность и односторонность рассуждений и доводов, которые представляются в выгодном для либерализма свете. Такое положение дел поднимает вопрос иного порядка: почему Б. Констан так решительно отрицает существование гражданских прав и свобод в древности, а их свободу рассматривает лишь как политическую? Ведь достаточно сравнить правовое положение рабов, метеков и афинян (свободных граждан), чтобы наглядно показать обратное. Тут, пожалуй, следовало бы принять, что это всего лишь результат проведенного им анализа, достоверность которого можно оспорить. Однако не исключено, что позиция, не признающая факта существования личных свобод в древности, могла быть продиктована и иными причинами. Мы считаем, что таких причин как минимум две: 1) всячески показать превосходство либеральных свобод и ценностей над ранее существовавшими; 2) во что бы то ни стало изыскать любые доводы, обосновывающие необходимость представительного правления.

Если первое из двух указанных замечаний не требует особого уточнения, так как сразу же бросается в глаза при знакомстве с материалом, то на втором следует остановиться подробнее. Поскольку предложенные Б. Константином доводы в пользу политического представительства соединены в последовательную цепь рассуждений, для легкости понимания мы их представим в виде пошаговой инструкции.

Шаг первый. Б. Констан превозносит систему представительского правления. «Эта система – открытие современников, – с гордостью подчеркивает он, – и вы увидите, господа, что состояние рода человеческого в античности не благоприятствовало введению или укоренению данной формы правления. Древние народы не могли ни прочувствовать ее необходимость, ни оценить ее преимущества. Их социальная организация принуждала их желать свободы, совершенно отличной от той, которую обеспечивает нам подобная система» [Констан, 1993, 98].

Шаг второй. После краткого обзора либеральных прав и свобод мыслитель переходит к доводам, стараясь доказать, что античная свобода являла собой всего лишь некую совокупность политических прав и свобод, совместно реализуемых всеми гражданами, причем не обладающими индивидуальными свободами. Чтобы выглядеть более убедительным, он, ссылаясь на известного французского философа и математика, замечает: «Как говорит

Кондорсе, люди античности не имели никакого понятия об индивидуальных правах. Они были только машинами, ход которых направлялся законами» [Там же].

Естественно, что после такого уничижительного описания античной свободы он как бы сам себя наделяет правом настаивать, что такая свобода более неприемлема для современников: «Из всего сказанного следует, что мы не можем более следовать античному типу свободы, состоявшему в деятельном и постоянном участии в коллективной реализации власти. Наша свобода должна заключаться в мирном пользовании личной независимостью» [Там же, 100].

Очевидно, что прежде всего автор пытается убедить своих слушателей в предпочтительности либеральных свобод античной, т. е., по его мнению, политической свободе. Как окажется после, Констан неслучайно с завидной настойчивостью продвигает именно такую позицию.

Шаг третий. Далее Констан то и дело восхваляет личную независимость и свободу, причем всякий раз настоятельно указывая на их первостепенность перед политическими. «Личная независимость, – уверен он, – есть первейшая из современных потребностей. Значит, никогда не надо требовать от нее жертвы ради установления политической свободы» [Там же, 102]. Признаться, такое утверждение выглядит довольно странно. Как можно реализовать одно без другого?

Шаг четвертый. Констан продолжает настаивать на первостепенности личной свободы в сравнении с политической. Хотя, возможно, понимая, что его утверждение довольно нелепо, мыслитель старается исправить положение, как бы разбавляя эти два типа свобод вместе, при этом не предавая своих убеждений: «Я повторяю: личная свобода – вот подлинная современная свобода; политическая свобода выступает ее гарантом. Но требовать от нынешних народов, как от древних, пожертвовать всей их личной свободой ради политической свободы – самый верный способ заставить народы отрешиться от личной свободы; когда это удастся, то у них вскоре похитят и свободу политическую» [Там же, 104]. После он сразу уточняет: «Как видите, господа, моими замечаниями я вовсе не стремлюсь принизить ценность политической свободы» [Там же].

Заметим, что оба утверждения мыслителя довольно противоречивы. Он, как бы старается усидеть на двух стульях, хотя попытка кажется не столь удачной.

Шаг пятый. Поскольку Констан настаивает, что личные свободы ценнее политических, «из этого следует, что ни один из многих и слишком прославленных институтов, которые в древних республиках ограничивали личную свободу, не приемлем в современности» [Там же, 102].

Здесь уже ситуация начинает проясняться. Становится понятным, почему Констан предпочитает одну свободу другой.

Дело в том, что институты древнегреческих демократий или Римской республики были довольно хорошо развиты и представляли собой систему прямой демократии. Но поскольку, как уверяет нас мыслитель, они зиждились и реализовывали только политические права, где не было места для индивидуальных прав и свобод, он добивается непринятия таких институтов или систем. Ведь если он признает, что в древности индивидуальные права реализовывались наравне с политическими, тогда встанет вопрос о том, зачем отказываться от непосредственной демократии и жертвовать одним ради другого или отдавать предпочтение одному перед другим. Таким образом, Б. Констан старается показать несостоятельность античных институтов прямой демократии в деле реализации личных свобод, чтобы скомпрометировать их и доказать необходимость представительного правления.

Шаг шестой. «Пусть власть, – говорит Констан, – наконец, смирится с таким положением

дел – нам нужна свобода, и мы ее добудем. Но поскольку свобода, которая нам нужна, отлична от свободы древних, она требует и иной организации, нежели та, что соответствовала античной свободе. В античности человек считал себя тем более свободным, чем больше времени и сил он посвящал осуществлению своих политических прав. При годном для нас виде свободы, чем больше времени осуществление политических прав оставляет для наших частных интересов, тем драгоценнее для нас она сама. Из сказанного, господа, вытекает необходимость представительной системы правления. Представительная система есть не что иное, как организация, посредством которой нация перекладывает на нескольких индивидов то, что она не может или не хочет выполнить сама. <...> Представительная система есть полномочия, доверенные определенному числу людей всей народной массой, желающей, чтобы ее интересы были защищены, однако, не имеющей времени защищать их всякий раз самостоятельно» [Там же, 105].

Читая последний отрывок, не только поражаешься виртуозности и лицемерию Константа, но и убеждаешься, что его теоретические обоснования о неизбежности представительного правления в противоположность прямой демократии могут быть построены лишь на положениях отрицания индивидуальных прав и свободы у древних, их первостепенности по отношению к политическим свободам. Таким образом, мы довольно отчетливо продемонстрировали, что Констант имел веские причины не признавать существование хотя и в чем-то отличных от либеральной теорий, но похожих по содержанию личных свобод в древности, особенно в Древних Афинах.

Считаем необходимым поделить очень полезным советом не менее известного либерала и сторонника представительного правления Джона Стюарта Милля, который писал: «Как бы искренно ни было намерение других защищать наши интересы, мы сами не можем без вреда относиться к ним безучастно. Это – общее правило. Еще более очевидна истина, что только своими собственными усилиями мы можем добиться положительного и прочного улучшения нашей жизни» [Милль, 2012, 52].

Современные критики афинской демократии и проблема объективности

Работа Константа не потеряла своей актуальности и по сей день. Так, к примеру, Фарид Закария, ссылаясь на его выводы, отмечает: «По сути дела, Греция не была родиной свободы в ее сегодняшнем понимании. В современном мире свобода – это прежде всего свобода индивида от произвола власти, что на протяжении большей части истории означало свободу от грубой силы государства. Она подразумевает некоторые фундаментальные права человека: свободу самовыражения, ассоциаций, вероисповедания, а также право на защиту со стороны закона. Между тем, как считал философ эпохи Просвещения Бенжамен Констан, в древности свобода означала нечто иное, а именно – то, что каждый (а на деле – лишь гражданин мужского пола) имел право участвовать в управлении общиной. <...> В Древней Греции народные ассамблеи имели неограниченные полномочия. Права индивида не считались священными в теории и не защищались на практике. По выражению Константа, греческая демократия в большинстве случаев подразумевала “подчинение индивида власти общины”» [Закария, 2004, 21]. Автор считает, что источник свободы на Западе связан с подъемом христианской церкви, исходя из этого он определяет свой стержневой тезис, согласно которому «свобода появилась на Западе гораздо раньше, чем демократия; именно свобода привела к возникновению демократии, а не

наоборот» [Там же, 20], что является прямым отрицанием античных демократий.

По-видимому, подобные сомнительные утверждения в какой-то степени способствуют актуализации данной темы. В связи с этим вызывает интерес статья профессора К.А. Мирумьяна «К вопросу о личных правах и свободах граждан в афинской демократии», где он непосредственно обращается к указанной проблематике. В результате своего анализа политолог приходит к прямо противоположному с либералами выводу: «Следовательно, в древнегреческих полисах, особенно в афинской демократии эпохи ее расцвета, наряду с политическими правами и свободами выделяются также гражданские права и свободы как важнейшая составляющая Афинской конституции. Поэтому вряд ли правомерно утверждение многих социологов, политологов и других специалистов, идущее, кстати, от идеологов либерализма Нового времени, что понятие “гражданские свободы” есть порождение современных западных демократий» [Мирумьян, 2004, 81].

Заметим, что практика отрицания античных демократий не чужда западной политической мысли. Рассмотрим отрывок из сравнительного анализа Чарльза Тилли, где он пишет: «Характеризовались ли в этих городах-государствах отношения между государством и гражданами как широкими, равноправными, защищенными и взаимообязывающими процедурами обсуждения? Если мы остановим наше внимание на свободных, совершеннолетних мужчинах, которые считались гражданами, то ответ будет, возможно, положительным; именно поэтому многие историки считают, что греки изобрели демократию. Но если мы будем принимать во внимание все население, находящееся в юрисдикции государства – женщин, детей, рабов, многочисленных иностранцев, – ответ будет решительно отрицательным. Более того, неравенство вообще пронизывало политическую систему городов-государств. В Афинах огромная масса населения была исключена из сферы защищенных и взаимообязывающих процедур обсуждения. По этим стандартам и в республиканском Риме не было демократии» [Тилли, 2007, 44]. В результате Ч. Тилли приходит к выводу о том, что «демократия – это явление современности» [Там же, 46]. Очень близкое по духу высказывание мы находим и у Кристиана Вельцеля. «Нет сомнений, – уверяет он, – что ни одна демократия доиндустриальной эры не была бы причислена к демократиям по сегодняшним стандартам, так как один из определяющих элементов зрелых демократий, а именно всеобщее избирательное право, был еще неизвестен» [Харпфер и др., 2015, 149].

Согласимся, что подобные утверждения выглядят довольно парадоксально с позиции не только сравнительного подхода, что отчетливо проявляется при их развернутом рассмотрении, но и вообще здравого смысла.

Представьте себе, что в VI в. до н. э. в Афинах установился государственный строй, который афиняне называли «демократией». А по прошествии более чем 2000 лет тот же термин, уже ассоциируемый с определенной исторической практикой и принципами, стал использоваться просветителями, а далее мыслителями Нового времени. Однако, с развитием политической мысли и опыта, привычные представления о демократии периода греческих полисов и Римской республики подвергаются изменениям и формируются уже не на основе античных и средневековых, а зачастую новых, ранее неизвестных признаках, принципах и ценностях. Происходит переосмысление роли государства, принцип равенства преодолевает «цензовость» (женщины получают равные с мужчинами политические права), устанавливается всеобщее избирательное право (К. Вельцель), меняются представления о гражданских и политических правах и свободах (Б. Констан, Ф. Закария), признается необходимость взаимообязывающих процедур обсуждения между публичной властью и гражданами (Ч. Тилли), принцип

большинства уточняется необходимостью учета мнения и права меньшинства. На смену многолюдным народным собраниям приходят парламенты; непосредственная демократия уступает место представительству (Б. Констан), сохранив за собой возможность прямого волеизъявления граждан через референдум. Развитие избирательных систем определяет правила и способы избрания граждан на выборные государственные должности, а выбор по жребию, потеряв свою актуальность, становится атрибутом далекого прошлого. Безжалостное противостояние фракций за власть, нередко доходящее до вооруженного конфликта, сменилось более сносной формой конкурентной борьбы партий посредством выборов.

Понятно, что столь глубокие трансформации значительно повлияли на представления многих современников о демократии. В результате сложных трансформаций демократия приобрела свои современные черты, что-то переняв из прошлого, а в чем-то отдав предпочтение новому. Именно образ современной демократии с ее институтами, ценностями, нормами и верованиями оказал серьезное влияние на представление о демократии, которое со временем глубоко укоренилось в сознании многих. При этом данный образ стал настолько устойчивым, что некоторые авторы стали рассматривать современную западную демократию в качестве чуть ли не единственно возможной формы демократии.

Далее, приняв такое положение как достоверное, эти «гении-экспериментаторы» как ни в чем не бывало сравнили доиндустриальные демократии с указанными нововведениями и, как ни странно, не найдя соответствий у последних, сделали вывод (можно сказать, «открытие»), согласно которому ранее существовавшие демократии, включая афинскую, по современным стандартам вовсе не являются демократиями².

Мы считаем, что по поводу указанной позиции авторов следует лишь выразить глубокое сожаление. Возможно, в этом контексте самым нелепым выглядят гордые слова Перикла из его знаменитой речи над павшими воинами, которые мы находим у Фукидида: «Для нашего государственного устройства мы не взяли за образец никаких чужеземных установлений. Напротив, мы скорее сами являем пример другим, нежели в чем-нибудь подражаем кому-либо. И так как у нас городом управляет не горсть людей, а большинство народа, то наш государственный строй называется народоправством» [Фукидид, 1981, 80]. Откуда было знать известному афинскому стратегу, что настанет время, когда созданная им и его предками демократия по каким-то причинам вдруг окажется недемократией? В целом сложно себе представить, как будущее может опровергнуть факт прошлого на основе настоящего.

Заметим, что Роберт Даль, который в работе «Демократия и ее критики», также указывает на проблему политически бесправного населения, исключенного из афинского демоса, все же не доходит до отрицания демократического устройства Афин [Даль, 2003, 12].

Безусловно, античные и современные демократии так же, как все остальные, о чем было сказано выше, подчинены дуализму сходств и различий, что выявляется в результате сравнения. Сравнить понятия или явления – значит сопоставлять их заведомо известные свойства, признаки, качества и т. д. Принято говорить, что понятия или некий предмет обладают определенными свойствами, однако очевидно обратное. Наоборот, не понятие определяет совокупность каких-либо свойств, а единство свойств определяет или выделяет отдельное понятие. Такое положение достоверно по той причине, что некая система качеств и свойств

² Мы просим прощения за сарказм и излишнюю эмоциональность, но все же считаем выбранный нами стиль вполне оправданным и справедливым, хотя и ненаучным.

может существовать, но не быть определена как понятие. Это значит, что если совокупность известных свойств выделена в некое отдельное понятие или определена как понятие, то после сравнения она не может стать иной, так как сравнение не подразумевает выявления новых свойств. В ином случае нам придется признать, что можно, например, сравнить абсолютную и конституционную монархию и прийти к выводу о том, что одна из них не является монархией по отношению к другой. Или, как бы парадоксально это ни звучало, можно сравнить два сорта яблок, в результате чего одно из них окажется не совсем яблоком, а, к примеру, грушей.

Сравнительный метод призван выявлять сходства и различия, давать основание для качественных и иных оценок (например, лучше – хуже, эффективно – неэффективно), но он не является способом, в рамках которого на основании одного исключают или ставят под сомнение другое. Следовательно, например, суждение К. Вельцеля о том, «что ни одна демократия доиндустриальной эры не была бы причислена к демократиям по сегодняшним стандартам», мы считаем ложным. Позитивным является утверждение о том, «что ни одна демократия доиндустриальной эры не идентична демократиям по сегодняшним стандартам», иными словами, они просто отличны друг от друга. Если еще более упростить сказанное, то «афинская демократия не является демократией современного типа», но это не означает, что она не является демократией.

Когда говорится о свойствах, признаках и качествах какого-либо понятия, это прежде всего относится к тем, которые составляют и определяют содержание этого понятия. Поскольку для демократии таковым является принцип равноправного участия граждан в политической жизни страны путем совместного принятия политических решений, уже и этого достаточно, чтобы утверждать демократическое устройство Афин. Посему результат сравнения нынешних демократий с афинской, при всем желании, не может привести к отрицанию демократического начала последней. Как мы оцениваем ее эффективность, справедливость или правовой порядок имевших в то время демократических норм, процедур и ценностей – это уже другой вопрос.

В конце концов, не абсурдно ли отвергать демократичность Афин по отношению к нынешним демократиям, если более справедливо обратное утверждение? Косвенно на это обращает внимание Р. Даль. Принимая во внимание те изменения, которые произошли в отношении демократии с «расширением масштаба от города-государства до нации-государства», американский политолог пишет: «Преобразование было столь серьезным, что если бы афинянин V в. (именно он, поскольку гражданин обязательно был мужчиной, а не женщиной) вдруг оказался среди нас, то он, наверное, счел бы называемое нами демократией непонятным, непривлекательным и недемократичным. Вероятно, афинянин времен Перикла вообще не воспринял бы как демократию то, что мы так называем» [Там же, 13].

Еще одним аргументом, указывающим на несостоятельность отрицания демократической формы правления Афин, является факт отсутствия ранее разработанной теоретической базы и критериев оценки демократичности того или иного государственного строя. По сути, их наличие позволило бы проверить, насколько афинская практика может считаться демократией или нет. Но, как известно, наука не располагает такими сведениями. Напротив, история свидетельствует о том, что все существовавшие политические режимы того времени возникали вследствие различных общественных, политических, социально-экономических процессов и опыта, а не в результате заведомо разработанных положений. Значение этого факта говорит о невозможности отрицания афинской демократии и с этой позиции, при том что она сама во многом способствовала утверждению основных положений и критериев демократичности, таких как свобода, равенство и суверенная воля большинства.

Нельзя обойти стороной еще одну оценку Фарида Закарии, который считает, что «древнегреческий эксперимент стал вдохновлять приверженцев демократии более чем тысячелетие спустя. Однако в многовековом периоде истории, отделяющем нас от него, нет никаких следов материального или институционального влияния античной демократии на политический процесс в Европе» [Закария, 2004, 20-21].

Не стоит забывать, что этот «эксперимент», о котором говорит либеральный автор, прежде всего доказал на практике возможность ее функционирования, что имело важное значение для будущих поколений. Историк-антиковед Харийс Туманс отмечает: «Конечно, говорить о прямой преемственности было бы, мягко говоря, сильным преувеличением, но несомненно, что демократия, впервые появившаяся в V в. до н. э. в древних Афинах, послужила идеей или прообразом для демократического устройства современного западного общества» [Туманс, 2002, 19-20]. Также афинский опыт ценен тем, что раскрыл как форму, так и содержание самой демократии. Академик В.П. Бузескул указал на следующее: «Афинская демократия, насколько нам известно, впервые в истории сознательно и ясно поставила идеалом свободу и равноправие, и свободу не необузданную или анархическую, а в сочетании с законом» [Бузескул, 2003, 463].

Вместо того, чтобы ограничиваться рассмотрением вопроса о непосредственном влиянии афинской демократии на политические процессы в будущем, следовало бы объективно предположить следующее: не будь ее, скорее всего, Европа была бы лишена той великой армады греческих мыслителей и культуры, которые, без преувеличения, заложили основы будущей западноевропейской цивилизации.

Также важно учесть, что демократия греческих городов-государств являлась таковой как минимум настолько, насколько те же мыслители, как и их преемники, качественно отличали ее от других форм государственного правления, таких как аристократия, монархия и т. д., по субъекту власти, принимающего политические решения. Следовательно, отвергая афинскую демократию как демократию, исследователи делают ложными и ничтожными не только те положения, исходя из которых античные и средневековые мыслители отличали ее от других форм правления, но и вообще все, что с ней связано – их оценки, представления, выводы, размышления.

Безосновательность обвинений противников афинской демократии подтверждается и тем обстоятельством, что они не могут аргументированно объяснить, что же это было за государственное устройство, которое эллины называли демократией.

Заключение

Отношение к афинской демократии всегда было неоднозначным. Одни считают ее бесценным опытом, другие критикуют ее, а третьи вообще не рассматривают ее как демократию, и, по всей видимости, такая традиция сохранится и впредь.

В то же время любая оценка, будь она положительная или отрицательная, должна быть не только объективна, но и содержательна. Она, например, может иметь историко-теоретическое значение и быть направлена на изучение общетеоретических вопросов государственного устройства древнегреческих городов-государств или иметь прикладное значение, а именно использовать исторический опыт для разработки более эффективных и справедливых демократических институтов и т. д. Вместо этого, как было показано, мы стали свидетелями научно бессодержательной, далекой от объективности критики. Причины подобной практики могут быть различны. Мы склонны полагать, что основную из них необходимо искать не столько в рамках научной объективности, сколько в субъективности политических убеждений

некоторых авторов.

Естественно, каждый ученый может иметь свои личные политические предпочтения, но непозволительно, чтобы они обосновывали собственную правоту при помощи псевдонаучных доводов и суждений, завуалированных под научные. Ведь когда представитель науки предпочитает достоверность политическим взглядам, тогда политическая наука превращается в политику. На наш взгляд, именно с такой проблемой мы сталкиваемся в известных политических трудах Б. Констана и Ф. Закария, где им не чужды софистические приемы, указывающие на превосходство политических идей либерализма над принципами прямой демократией. Заметим, что подобная критика со стороны того же Монтескье или Мэдисона по указанной проблематике не вызывает нареканий в том смысле, что не противоречит научным требованиям, хотя также используется ими как в научных, так и в политических целях. Как раз такое различие между подходами очень точно определяет суть данной работы, где особое внимание уделяется не просто критике афинской демократии, а объективности ее оценок.

В связи с этим также вызывает удивление и сожаление позиция К. Вельцель и Ч. Тилли, критика которых доходит до полного отрицания как античной, так и вообще всех иных демократических практик, предшествующих Новейшему времени. На первый взгляд, складывается впечатление, что они таким своеобразным способом хотят отмежеваться от рабовладельческих демократий доиндустриальной эпохи, как бы защищая доброе имя Демократии: а какая демократия при рабстве? Однако, как мы полагаем, такой вывод опять же не лишен политического начала и связан с попыткой акцентировать особое историческое положение именно современных демократий западного образца, подчеркивая их превосходство и безальтернативность.

В исследовании представлены и проанализированы критические позиции двух групп авторов, которые, как было показано, не отличаются объективностью. Либералы своей критикой всячески подчеркивают морально-нравственное превосходство своей идеологии над демократией, а сторонники современных теорий демократии – достоинство современных демократий над ранее существующими.

Примечательно, что ряд критиков как с одной, так и с другой стороны используют сравнительный метод для безосновательной и зачастую ложной критики демократического устройства Афинского полиса. Поэтому важно обратить внимание специалистов на две крайне важные научные проблемы. Первая из них имеет общетеоретическое значение и связана с отсутствием четко разработанных теоретических положений сравнительного анализа. Как мы видим, это чревато тем, что некоторые исследователи даже умудряются при сравнении отрицать одно понятие другим. Вторая – это извечная проблема объективности научных изысканий и их выводов. Естественно, что отход от соответствующих научных положений искажает достоверность полученных знаний, что и проявляется в необоснованном принижении научно-исторической ценности античных демократий Древней Греции. Именно поэтому мы склонны считать, что выводы и позиции указанных авторов необходимо искать не в области науки, а в их собственных представлениях, предрассудках и предубеждениях.

Библиография

1. Аристотель. Афинская полиция. Государственное устройство афинян. М., 1937. 254 с.
2. Аристотель. Сочинения: в 4 т. М.: Мысль, 1983. Т. 4. 830 с.
3. Бузескул В.П. История афинской демократии. СПб., 2003. 479 с.
4. Даль Р. Демократия и ее критики. М., 2003. 574 с.

5. Закария Ф. Будущее свободы: нелиберальная демократия в США и за их пределами. М.: Ладомир, 2004. 326 с.
6. Исаев Б.А. Условия и факторы, периоды и циклы развития демократии. Часть 1 // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2012. Т. 8. № 3. С. 273-291.
7. Констан Б. О свободе у древних в ее сравнении со свободой у современных людей // Полис. Политические исследования. 1993. № 2. С. 97-106.
8. Милль Дж.Ст. Размышления о представительном правлении. Челябинск: Социум, 2012. 375 с.
9. Мирумян К.А. К вопросу о личных правах и свободах граждан в афинской демократии // Մարդու իրավունքները և ժողովրդավարությունը հիմնախարհը. ԼԻՆԳՎԱ, 2004.
10. Монтескье Ш. Избранные произведения. М., 1955. 800 с.
11. Платон. Сочинения: в 3 т. М.: Мысль, 1972. Т. 3. Ч. 2. 678 с.
12. Руссо Ж.-Ж. Трактаты. М.: Наука, 1969. 703 с.
13. Тилли Ч. Демократия. М., 2007. 263 с.
14. Туманс Х. Рождение Афины. Афинский путь к демократии: от Гомера до Перикла (VIII-V вв. до н. э.). СПб., 2002. 538 с.
15. Федералист: политические эссе А. Гамильтона, Дж. Мэдисона и Дж. Джея. М., 1993. 590 с.
16. Фукидид. История. Л.: Наука, 1981. 544 с.
17. Харпфер К.В. и др. Демократизация. М., 2015. 708 с.

Critics of Athenian democracy and the problem of objectivity

Aram A. Ter-Vardanyan

Postgraduate at the Department of political science,
Russian-Armenian University,
0051, 123 Hovsep Emin str., Yerevan, Republic of Armenia;
e-mail: aram.ter.vardanyan@gmail.com

Abstract

The article aims to carry out a theoretical analysis of some critical judgments regarding Athenian democracy. It makes an attempt to examine the positions of various Western researchers who, contrary to the existing paradigm, argue that Athenian democracy and other democracies of the pre-industrial era cannot be classified as democracies according to modern criteria, i. e. they are, in fact, no democracies. The author of the article carries out an analysis of the point of view, according to which there were no civil rights and freedoms in ancient times, as well as during the period of the democratic structure of Athens. Addressing the critics of the ancient democracy of Athens, the article highlights the followers of the liberal tradition and democrats, i. e. those who give priority to the implementation of democratic principles. The author proposes this classification in order to indicate that Athenian democracy is criticized not only by liberal authors, but also by supporters of the democratic doctrine. The comparative method is used to conduct the research on critical judgments regarding Athenian democracy. The article attempts not only to demonstrate the dubiousness and groundlessness of critical judgments regarding Athenian democracy, but also to draw attention to the biased attitude to it.

For citation

Ter-Vardanyan A.A. (2022) Kritiki afinskoi demokratii i problema ob"ektivnosti [Critics of Athenian democracy and the problem of objectivity]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy* [Theories and Problems of Political Studies], 11 (3A), pp. 36-51. DOI: 10.34670/AR.2022.68.56.004

Keywords

Athenian democracy, liberal tradition, democratic doctrine, critical judgments, critics of Athenian democracy.

References

1. Aristotle (1937) *Afinskaya politiya. Gosudarstvennoe ustroistvo afinyan* [The constitution of the Athenians]. Moscow.
2. Aristotle (1983) *Sochineniya: v 4 t.* [Works: in 4 vols.], Vol. 4. Moscow: Mysl' Publ.
3. Buzeskul V.P. (2003) *Istoriya afinskoi demokratii* [A history of Athenian democracy]. St. Petersburg.
4. Constant B. (1989) *De la liberté chez les modernes: écrits politiques*. Hachette. (Russ. ed.: Constant B. (1993) O svobode u drevnikh v ee sravnenii so svobodoi u sovremennykh lyudei. *Polis. Politicheskie issledovaniya* [Polis. Political studies], 2, pp. 97-106.)
5. Dahl R. (1989) *Democracy and its critics*. Yale University Press. (Russ. ed.: Dahl R. (2003) *Demokratiya i ee kritiki*. Moscow.)
6. *The federalist papers: Alexander Hamilton, James Madison, John Jay* (1961). (Russ. ed.: *Federalist: politicheskie esse A. Gamil'tona, Dzh. Medisona i Dzh. Dzheya* (1993). Moscow.)
7. Haerpfer C.W. et al. (2009) *Democratization*. Oxford University Press. (Russ. ed.: Haerpfer C.W. et al. (2015) *Demokratizatsiya*. Moscow.)
8. Isaev B.A. (2012) Usloviya i faktory, periody i tsikly razvitiya demokratii. Chast' 1 [The conditions and factors, periods and cycles of the development of democracy. Part 1]. *Politicheskaya ekspertiza: POLITEKS* [Political expertise: POLITEX], 8 (3), pp. 273-291.
9. Mill J.S. (1861) *Considerations on representative government*. (Russ. ed.: Mill J.S. (2012) *Razmyshleniya o predstavitel'nom pravlenii*. Chelyabinsk: Sotsium Publ.)
10. Mirumyan K.A. (2004) K voprosu o lichnykh pravakh i svobodakh grazhdan v afinskoi demokratii [On personal rights and freedoms of citizens in Athenian democracy]. In: *Մարդու իրավունքների և ժողովրդավարության հիմնասրբերը*. ԼԻՆԳՎԱԼ.
11. Montesquieu C. (1955) *Izbrannye proizvedeniya* [Selected works]. Moscow.
12. Plato (1972) *Sochineniya: v 3 t.* [Works: in 3 vols.], Vol. 3-2. Moscow: Mysl' Publ.
13. Rousseau J.-J. (1959) *Écrits politiques*. Paris. (Russ. ed.: Rousseau J.-J. (1969) *Traktaty*. Moscow: Nauka Publ.)
14. Thucydides (1981) *Istoriya* [Histories]. Leningrad: Nauka Publ.
15. Tilly C. (2007) *Democracy*. Cambridge. (Russ. ed.: Tilly C. (2007) *Demokratiya*. Moscow.)
16. Tumans H. (2002) *Rozhdenie Afiny. Afinskii put' k demokratii: ot Gomera do Perikla (VIII-V vv. do n. e.)* [The birth of Athena. The Athenian path to democracy: from Homer to Pericles (from the 8th to the 5th centuries BC)]. St. Petersburg.
17. Zakaria F. (2003) *The future of freedom: illiberal democracy at home and abroad*. New York. (Russ. ed.: Zakaria F. (2004) *Budushchee svobody: neliberal'naya demokratiya v SShA i za ikh predelami*. Moscow: Lodomir Publ.)